
Е. Н. ГРУЗДЕВА

**АННА ВЛАДИМИРОВНА ПРУССАК — ИСТОЧНИКОВЕД
И УЧЕНЫЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ШКОЛЫ НАЧАЛА ХХ в.
(материалы к биографии)**

Семья

Анна Владимировна Пруссак родилась в Петербурге 31 августа 1888 г. Она была старшим ребенком и помогала матери в воспитании двух братьев и младшей сестры. О старших поколениях Пруссакос известно очень мало. Анна Владимировна в автобиографии скупо писала: «Мой отец Владимир Федорович Пруссак был родом из витебских мещан... моя мать Анна Тихоновна Пруссак родом из кронштадтских мещан; ее родители из крепостных крестьян гр. Шереметева, из его полтавских вотчин»¹. В стихотворении младшего брата поэта Владимира Пруссакос семье посвящены несколько строк:

Мой прадед был старик гуманный,
Он ждал реформ, как божьей манны,
В мечтах рисуя идеал,
Парней в солдаты отдавал.
А деду Невский стал милее,
Но после суетной зимы
В деревню уезжали мы.
Я помню чинные аллеи,
Портреты предков, старый дом,
Крестьянам проданный потом.

---

¹ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 7. Л. 16.

В молельной — древняя икона,
Натертый воском желтый пол,
У деревянного балкона
В саду — накрытый чайный стол.
...
По праздникам в двухцветном зале
Провинциальные пиры,
В лесу высокие костры,
И беззаботные печали...
Забытый дедовский уклад...²

Глава семьи Владимир Федорович Пруссак родился в 1850 г. в Витебской губернии, рано потерял отца (в 1856 (?) г.). В личном деле студента Владимира Пруссака отмечено: «На основании документов... следует считать по происхождению из обер-офицерских детей»³. Он блестяще окончил Строительное училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий в Санкт-Петербурге (будущий Институт гражданских инженеров) и получил специальность инженера-архитектора. По его проектам выстроены несколько домов в столице⁴. Основной его службой стала работа в городской оценочной комиссии. Он был известен в Городской управе и в конце XIX в. избран в члены комиссии для изыскания мер ограждения Петербурга от наводнений: В. Ф. Пруссак рассмотрел имевшиеся инженерные проекты по этому вопросу и разработал собственный проект, который представил городскому голове⁵. Архитектор не увлекался политикой, но под влиянием революционных событий 1905 г. он оформил свои размышления по вопросам социально-политического устройства России и выступил с речью, которую опубликовал в начале 1906 г. с предложением предварительного обсуждения затронутых в ней положений ко дню созыва Государственной Думы⁶. В политике Владимир Федорович стоял на умеренных позициях, близких к программе конституционно-демократической партии.

---

² Пруссак В. Деревянный крест : вторая книга стихов. Иркутск, 1917. С. 104.

³ ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 1. Д. 297. Л. 16.

⁴ Это в основном доходные дома в стилях эклектики и неоклассицизма и несколько особых зданий, как, например, особняк М. И. Соколовой на Петроградской стороне (Петрозаводская ул., д. 1), построенный в 1902 г. и хорошо сохранившийся.

⁵ Пруссак В. Ф. Проект обращения части Финского залива в коммерческую гавань. 26 мая 1899 г. СПб., 1899.

⁶ Речь «Народникам» (сказанная инженер-архитектором В. Ф. Пруссаком 6 декабря 1905 г.). [СПб.], 1906.

По стопам отца пошел старший сын Евгений⁷, в свою очередь окончивший Институт гражданских инженеров. Еще в годы его учебы отец привлекал Евгения к работе на строительстве. «Я работал на стройках, производившихся под наблюдением отца моего, инженера-архитектора В. Ф. Пруссак, — писал в 1917 г. выпускник института, — о чем могу предоставить удостоверения от тех домовладельцев, которым принадлежали строившиеся под моим наблюдением дома (6-я рота, д. № 6; Моховая, 39; наб. Черной речки, д. 39; 3 деревянных двухэтажных дачи на ст. Дюны Приморской железной дороги)»⁸. Полученный практический опыт очень помог начинающему инженеру-строителю при устройстве на работу, когда после смерти отца в 1917 г. ему пришлось вместе с сестрой Анной взять на себя заботы о материальном обеспечении семьи.

Евгений Пруссак имел музыкальные способности, которые проявил, участвуя в написании первой советской оперы на современный сюжет — «За Красный Петроград» («1919 год»). Спектакль создавали по заданию культотдела Ленинградского облпросвета⁹ два композитора — А. Гладковский и Е. Пруссак на либретто В. Лебедева (обыгрывались события, связанные с наступлением Юденича на Петроград и обороной города; главные действующие лица — петроградские рабочие). 24 апреля 1925 г. в Малом петроградском государственном академическом театре (бывшем Михайловском¹⁰) с успехом прошла премьера оперы¹¹.

Но профессиональным музыкантом Евгений Пруссак все же не был, и других сведений о его композиторской деятельности не сохранилось. Он стал инженером-нормировщиком и в 1930-е гг. участвовал в издании нескольких пособий и таблиц по учету труда и расчету заработной платы в строительстве.

---

⁷ Евгений Владимирович Пруссак (1890–1942) — инженер-нормировщик.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 2863. Л. 32–33 (Прошение из личного дела студента Института гражданских инженеров Е. В. Пруссак от 27 сентября 1917 г.).

⁹ Центр музыкально-самодеятельного движения в Ленинграде в первой половине 1920-х гг.

¹⁰ В наст. время — Санкт-Петербургский государственный академический театр оперы и балета им. М. П. Мусоргского — Михайловский театр.

¹¹ История русской советской музыки. М., 1956. Т. 1 : 1917–1934. С. 165. Исполнитель одной из главных партий Марк Рейзен вспоминал: «Писалась опера весьма своеобразно. А. Гладковский сочинял музыку “за красных”, а Е. Пруссак — “за белых”. Музыка “красных” сцен была построена на популярных революционных песнях (“Интернационал”, “Смело, товарищи, в ногу”, “Яблочко”), для обрисовки белых Пруссак избрал старую солдатскую песню “Взвейтесь, соколы, орлами”. Весь этот цитатный материал объединялся малоудачной собственной музыкой композиторов» (Марк Рейзен : Автобиографические записки. Статьи. Воспоминания / сост. и ред. Е. А. Грошева. М., 1986. С. 83).

Младший сын Пруссиков Владимир¹² в гимназии считался очень способным учеником, его выдвижение в общественные гимназические кружки способствовало тому, что юноша увлекся нелегальной деятельностью, вошел в редакционную комиссию гектографического журнала «Недотыкомка», определявшего своей задачей борьбу с произволом в школе, а в 1911 г. стал членом «межученической организации», принимал участие в издании «Газеты СПб. Введенской гимназии», освещавшей темные стороны школьной жизни. С марта 1912 г. он начал участвовать в работе молодежного «революционного союза», уже не ограничивавшегося проблемами средней школы, но выходявшего на политическую арену¹³. Среди активных членов межученической организации был и товарищ Владимира Пруссика Александр Ильин (будущий революционер Ильин-Женевский, младший брат Федора Ильина-Раскольников), вступивший в партию большевиков. Во время одного из собраний в помещении частной гимназии О. К. Витмер 9 декабря 1912 г. 34 члена межученической организации были арестованы и по распоряжению министра народного просвещения лишены права на продолжение образования и сдачу экзаменов даже экстерном. Оставшись без занятий, Владимир Пруссак посвятил себя революционному делу, но весной 1913 г. был арестован, судим и через год приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь.

Во время следствия, находясь в одиночном заключении, юноша впал в нервное расстройство и был переведен для лечения в больницу Николая Чудотворца. Там, наблюдая за другими больными, он подготовил небольшую лингвистическую работу, которую Анна Владимировна даже предложила профессору А. А. Шахматову для рецензии. Она писала: «Уважаемый Алексей Александрович! В виду того, что мне неоднократно приходилось читать в Известиях Императорской Академии наук труды о различных “условных” языках, я позволила себе переслать вам работу моего брата, гимназиста VIII кл., о воровском жаргоне. <...> В... больнице политические и уголовные помещаются вместе, и брат более трех месяцев провел вместе с уголовными, присланными сюда на “испытание” со всех концов России. Еще на воле интересуясь вопросами языкознания, брат здесь занялся наблюдением над воровским жаргоном и собиранием песен, поющих в настоящее время преступным миром на воле и в тюрьмах. Если работа брата заслуживает быть напечатанной, то не откажите подействовать ей напечатанию...»¹⁴ Но работа, по-видимому, не заинтересовала профессора и была возвращена отправителю¹⁵.

---

¹² Владимир Владимирович Пруссак (1895–1918) — поэт. О нем см. в кн.: Русские писатели. 1800–1917: биограф. слов. М., 2007. Т. 5 (П–С). С. 169–170.

¹³ См.: А. В. Пруссак — Азадовскому // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1969. Т. 1. С. 245.

¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1252. Л. 1–1 об.

¹⁵ На письме стоит помета: «Отпр. наз.».

Весной 1914 г. Владимир Пруссак был перевезен в Сибирь. Местом ссылки ему определили село Суховское в 40 верстах от Иркутска. К нему в ссылку приезжали Евгений¹⁶ и Анна. Анна хотела побыть с братом и одновременно заниматься каким-либо полезным делом. Она получила свидетельство от Отделения русского языка и словесности Академии наук о том, что командирована в Иркутскую губернию для собирания диалектологического материала¹⁷. Живя рядом с братом, А. В. Пруссак все лето 1914 г. занималась исследованием различных сторон быта, изучением языка и собиранием песен местных жителей¹⁸, главным образом в селах Суховское и Урик. Материалы, привезенные из этой экспедиции, Анна Владимировна впоследствии опубликовала¹⁹.

В октябре 1914 г. Владимир Пруссак получил разрешение на проживание в Иркутске как нуждавшийся в лечении. Там он устроился работать в банк. В Иркутске он подготовил свой первый сборник стихов, юношески наивных и написанных в подражание Игорю Северянину. Книга «Цветы на свалке» вышла в Петрограде в октябре 1915 г. на средства автора, возможно, в ее издании брату помогла Анна Владимировна (она приезжала в Иркутск летом и могла отвезти готовый сборник в столицу). Среди манерных стихов встречаются и горькие строки:

Нет, полюбить я не смогу
Просторы сумрачной Сибири,
Ее тоскливую тайгу,
Ее безрадостные шири...²⁰

...В плоскопресном Иркутске я картавлю о Бисмарке,
У банкирской конторки заскучав оманжеченно...²¹

---

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 2863. Л. 13–13 об, 24–24 об (Билеты об отпуске с отметками о проживании в Иркутске в июне-июле 1914 г. и в феврале-марте 1916 г.).

¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1010. Л. 31 (Свидетельство (копия) от 20 мая 1914 г.).

¹⁸ Отчет о поездке в Иркутский уезд Иркутской губернии А. В. Пруссак // Отчет о деятельности ОРЯС Имп. АН за 1914 г. / сост. Н. А. Котляревский. Пг., 1914. С. 97–99.

¹⁹ Пруссак А.: 1) Былина, бывальщина и три песни, записанные в Иркутском уезде Иркутской губернии // Живая старина : период. изд. Отделения этнографии Имп. Русского географического общества. Год XXIV. 1915. СПб., 1916. Вып. 3. Приложение № 3. С. 038–041 ; 2) Из сибирских сказаний о декабристах // Сибирская живая старина. [Иркутск], 1926. Вып. I (V) / под ред. М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова. С. 84.

²⁰ Пруссак В. Цветы на свалке : стихи. Пг., 1915. С. 133.

²¹ Там же. С. 30.

В Иркутске юноша занялся литературной деятельностью, войдя в круг местных поэтов, многие из которых тоже были ссыльными. Ими был основан литературный кружок, стал издаваться литературно-общественный журнал «Багульник» (1916–1917), уделявший внимание в основном вопросам местной культуры и искусства. Владимир Пруссак печатался во многих сибирских периодических изданиях и вскоре подготовил вторую книгу стихов, написанных уже совершенно в иной, традиционной манере²². Но он продолжал заниматься и революционной деятельностью, насколько это было возможно: вел работу среди гимназистов и учеников учительской семинарии, общался с ссыльными политическими... Анна Владимировна ежегодно приезжала в Иркутск и со своей стороны тоже поддерживала ссыльных и каторжан: носила передачи голодавшим заключенным Иркутского тюремного замка, Александровского централа, сотрудничала вместе с братом в «Багульнике»²³.

После Февральской революции 1917 г. Владимир вернулся в Петроград и сразу окупился в политику, примкнув к эсеровской группировке Б. В. Савинкова и А. Ф. Керенского²⁴, активно работал с учащейся молодежью²⁵. Не оставил юноша и литературную деятельность — стал печататься в журнале «Новый Сатирикон», свел новые знакомства (В. В. Маяковский в своей библиотеке хранил подаренную ему автором книгу стихов В. Пруссак «Деревянный крест»)²⁶. После Октябрьской революции он отошел от общественной деятельности²⁷, женился и надеялся продолжить образование, для чего поступил в университет, но после неудачной операции аппендицита летом 1918 г. Владимир Пруссак умер.

Младшим ребенком в семье была дочь Елена, родившаяся в 1899 г. и в 1916 г. окончившая гимназию с золотой медалью. Девушке нужно было продолжать образование; так получилось, что в самые трудные годы войны, революций и становления советской власти во главе семьи оказалась старшая дочь, Анна Владимировна, на иждивении которой много лет находились мать и сестра²⁸.

---

²² Пруссак В. Деревянный крест.

²³ См.: Ганелин Р. III. Анна Владимировна Пруссак (1888–?). Материалы к биографии // Времена и судьбы : сб. ст. в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2006. С. 428, 430.

²⁴ С поручениями от партии «эсэров» и «эсдеков» В. Пруссак в июле 1917 г. ездил в действующую армию, где выступал перед солдатами, передавал «знамя Свободы». См. заметку и фотографии в журнале «Огонек» (1917. № 29. С. 455).

²⁵ Успенский Л. В. Записки старого петербуржца. Л., 1990. С. 263–264.

²⁶ Динерштейн Е. А. Маяковский и книга. М., 1987. С. 11.

²⁷ Е. А. Динерштейн пишет: «В 1918 году по правительственной командировке Пруссак направляется в Закавказье, а затем с отчетом возвращается в Москву, где его принял В. И. Ленин» (Там же. С. 11).

²⁸ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 7. Л. 7, 17; Там же. Ф. 155. Оп. 2. Д. 558. Л. 83 об. (Анкеты и автобиографии А. В. Пруссак).

Учеба. Первые публикации

Анна Пруссак еще в гимназии проявила себя как способная и трудолюбивая ученица. Она окончила столичную гимназию принцессы Ольденбургской с серебряной медалью и в том же 1905 г. поступила в недавно открытое высшее учебное заведение Женский педагогический институт. Подав документы на историко-филологическое отделение, Анна выбрала в качестве специальности русскую словесность. В институте, готовившем преподавательниц для средних учебных заведений, занятия вели известные столичные профессора и приват-доценты университета: Ф. А. Витберг, И. А. Шляпкин, С. А. Адрианов, М. Р. Фасмер, А. Е. Пресняков, директор института историк С. Ф. Платонов и др.

В институте преподавал и молодой профессор Николай Михайлович Каринский, специалист по русской диалектологии, знаток и неутомимый исследователь живых народных говоров. Он декламировал перед слушательницами «заговоры», сказки на соответственных наречиях, показывал родственность и различие в творчестве не только русских, но и славянских народов. Увлекательная форма лекций, введивших в живой процесс создания рукописей на Руси, живые характеристики отдельных переписчиков производили яркое впечатление на слушательниц. Н. М. Каринский умел заразить глубоким интересом к своему предмету и вообще к научной работе. Анна Владимировна Пруссак стала одной из его учениц, всерьез увлекшихся изучением истории языка.

Она использовала летнее каникулярное время для сбора материала и в 1907 г. представила в этнографическое отделение Императорского Русского географического общества свою первую самостоятельную научную работу о говоре Сестрорецка²⁹. «В лето 1906 года я сделала ряд диалектологических наблюдений над народной речью Сестрорецка и нашла, что, несмотря на чрезвычайно сильное влияние общерусского языка, в ней еще сохранились некоторые звуковые и формальные особенности, по которым можно судить о древнем говоре описываемой местности»³⁰, — сообщала исследовательница. В работе она дала общее описание жителей Сестрорецка, главным образом работавших на местном заводе и обслуживавших дачников, отметила фонетические и морфологические особенности их речи, предоставила некоторые образцы говора.

Работа А. В. Пруссак была напечатана в журнале этнографического отделения Русского географического общества, а в начале 1908 г. девушка получила официальное письмо: «Милостивая государыня Анна Владимировна! По представлению отделения этнографии Совет Имп. РГО

---

²⁹ Пруссак А. В. О говоре Сестрорецка // Живая старина / под ред. В. И. Ламанского. 1907. Вып. 1. Отдел II, Памятники языка, народной словесности, живой старины. С. 7–9.

³⁰ Там же. С. 7.

в заседании 25 января с. г. присудил Вам за представленные в отделение рукописи серебряную медаль. Извещая Вас об этой почетной награде Общества, прошу принять уверения в глубоком моем к вам уважении и совершенной преданности. В. Семенов Тяньшанский»³¹. Высокая оценка ее первого исследования не могла не обрадовать девушку и не придать ей уверенности в своих силах, тем более что в это время она уже занималась другой важной и трудной работой — описанием и изучением древних учебных грамматик и азбукоников из библиотечных и архивных собраний.

Итог своих занятий Анна Владимировна представила в 1909 г. в Женском педагогическом институте на конкурсе письменных работ. Ее сочинение на тему «Вопрос о преподавании грамматики в русской педагогической литературе (до Буслаева и Потебни)» было подано под девизом «Feci quod potui»³². Дававший отзыв о работе профессор русского и славянского языков Н. К. Кульман отмечал: «Автор представленного сочинения отнесся к выполнению поставленной задачи в высшей степени добросовестно: он внимательно рассмотрел грамматики 16 века (грамматику Иоанна Болгарского, грамматику, изданную во Львове студентами Львовской школы); изучил азбуконники и учебные грамматики 17 и первой половины 18 веков; охарактеризовал учебники Екатерининской эпохи; наконец, дал сжатый, но содержательный очерк грамматического преподавания в 19 веке»³³. По мнению рецензента, недостатком работы являлось то, что автором уделено внимание преимущественно содержанию грамматик, а не методам и задачам преподавания, но вместе с тем в сочинении содержались обстоятельные описания нескольких ранее неизвестных в печати азбуконников. Подводя итог, Н. К. Кульман заявлял, что ввиду громадного труда, обнаруженного умения пользоваться источниками и пособиями, ввиду несомненной научной ценности некоторых частей представленной работы он будет ходатайствовать о награждении автора золотой медалью³⁴. В то же время рецензент высказывал мнение, что описание неизвестных ранее рукописей, могло бы быть напечатано³⁵. Анна Владимировна прислушалась к этому совету и за несколько лет подготовила солидную публикацию, в которой ввела в научный оборот азбуконники из рукописного отделения Публичной библиотеки³⁶. Немного забегаая вперед, остановимся на этой работе.

---

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 3788. Л. 4.

³² «Я сделал, что мог» (*лат.*).

³³ ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 5713. Л. 244–245.

³⁴ Постановлением конференции Женского педагогического института от 18 апреля 1909 г. А. В. Пруссак награждена золотой медалью за представленное ею сочинение (ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 3788. Л. 2 об.).

³⁵ Там же. Д. 5713. Л. 248.

³⁶ Пруссак А. В. Описание азбуконников, хранящихся в Рукописном отделении Императорской публичной библиотеки // Памятники древней письменности

А. В. Пруссак. 1909 г.

Музей РГПУ им. А. И. Герцена. Выпускной альбом слушательниц
Женского педагогического института. А-44/УП-3820(0)

Азбуковники — особый вид памятников древнерусской литературы, тематические сборники, представляющие собой обширные словари с алфавитным расположением статей. Наличие большого количества списков азбуковников, разнообразие содержащегося в них материала, грамматические особенности их написания привлекали многих исследователей еще в XIX в. Каждый изучал азбуковники в каком-то особом аспекте: Д. Л. Мордовцев рассматривал их как учебную книгу своего времени и извлекал сведения о педагогических воззрениях, объеме научных знаний и организации обучения в XVI–XVII вв.; Н. И. Баталин обращал внимание на характер содержащейся в сборниках информации, стремился определить ее источники из разных областей знания — языковедения, философии, географии, истории, мифологии и др.; А. П. Карпов, изучая состав азбуковников, ставил задачу выделить «общие характеристические черты» и определить источники для текстов алфавитов³⁷. В конце XIX — начале XX в.

и искусства : [изд. Общества любителей древней письменности]. СПб., 1915. Т. 186. [57 с.]. В предисловии (С. 4) автор выразила благодарность профессору Н. М. Каринскому и секретарю Общества В. В. Майкову за постоянные указания во время работы.

³⁷ *Мордовцев Д. Л.* О русских школьных книгах XVII в. [Б. м.], 1862 ; *Баталин Н. И.* Древнерусские азбуковники. Воронеж, 1874 ; *Карпов А.* Азбуков-

изучение азбуковников сместилось в сторону текстологического и лингвистического анализа³⁸. Составляя собственное описание азбуковников, А. В. Пруссак проявила себя как последователь школы А. И. Соболевского и ученица диалектолога Н. М. Каринского.

Отобрав из коллекции рукописей Публичной библиотеки 29 азбуковников, А. В. Пруссак тщательно сверила их тексты, выявила и выписала разночтения. В ряде случаев определила источники статей, не указанные составителями алфавитов. Свою задачу она сформулировала следующим образом: «В нашей работе при описании содержания азбуковников, рассматривая словари их, мы останавливаемся главным образом на том словарном материале, источник которого составителем азбуковника не отмечен, и делаем попытку определить, из каких мелких словарей составлены словари азбуковников, и, в зависимости от входящих в их состав словарей, разделить на несколько групп»³⁹. А. В. Пруссак разделила описываемые ею рукописи на четыре разряда и назвала четырьмя группами азбуковников⁴⁰. (Отметим, что проведенный во второй половине XX в. историко-текстологический анализ 98 списков азбуковников из шести крупных древлехранилищ России позволил выделить семь самостоятельных словарных памятников, созданных в Московской Руси в XVI–XVII вв. Разделение азбуковников Публичной библиотеки на четыре группы, предложенное А. В. Пруссак в 1915 г., полностью вписывается в более позднюю классификацию советских ученых⁴¹.) Описательница считала, что каждый список являлся отдельным словарем, и, систематизируя рукописи, расположила их в таком порядке, что каждый более краткий азбуковник рассматривался как производный от более пространного⁴². Последующее изучение вопроса опровергло этот вывод и доказало, что процесс развития текстов памятников шел по пути наращивания объема словарей⁴³.

А. В. Пруссак не ограничилась анализом лишь содержания рукописных памятников, она ставила перед собой и другую задачу: «Мы описываем

ники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877.

³⁸ Ягич И. В. Рассуждения южно-славянской и русской старины о церковно-славянском языке. СПб., 1895; Фасмер М. Р. Речь тонкословия греческого — памятник среднегреческого языка XIII в. // ВВ. 1907. Т. 19; Симоны П. К. Памятники старинной русской лексикографии по русским рукописям XIII–XVIII столетий. 1908. Вып. 3; и др.

³⁹ Пруссак А. В. Описание азбуковников ... С. 3.

⁴⁰ Там же. С. 5.

⁴¹ См.: Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв. Старшая разновидность. Л., 1989. С. 8–10.

⁴² Например: Пруссак А. В. Описание азбуковников ... С. 21–28.

⁴³ См.: Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв. ... С. 11.

также орфографию и диалектические особенности говора... писцов»⁴⁴. Опираясь на труды своих знаменитых предшественников (К. Ф. Калайдовича, А. И. Соболевского, И. В. Ягича, М. Р. Фасмера, Н. К. Никольского, П. К. Симоны и др.), она дала характеристику азбуковников с точки зрения языка и лингвистических особенностей рассмотренных списков. Описательница отметила ряд общих черт, присущих языку памятников: присутствие внутри азбуковников довольно большого количества коротких рассказов, написанных разговорной речью, и в то же время в ряде случаев сохранение в текстах уже отживших штампов; слабость писцов в знании грамматики; наличие языковых явлений, отражающих в написании слов произношение, характерное для южнославянских диалектов. Общие замечания были подкреплены более детальным описанием языка⁴⁵. Во всех списках А. В. Пруссак отметила некоторые общие фонетические и морфологические особенности, в отдельных же азбуковниках выявила несколько примеров отличных написаний некоторых слов, которые позволили ей высказать предположение о присутствии влияния русских северных диалектов Новгорода и Северной Двины⁴⁶.

Небольшая по объему (всего 48 страниц) работа А. В. Пруссак была не только последней печатной работой дореволюционной эпохи, посвященной азбуковникам, но и долгое время оставалась единственным описанием большей части собрания алфавитов в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга. Всестороннее изучение жанра азбуковников и их истории началось в российской науке лишь в середине XX в. и нашло свое отражение в работах Л. С. Ковтун, М. П. Алексеева⁴⁷ и др. Однако в задачи этих исследователей не входил глубокий лингво-диалектологический анализ текстов словарей. И с этой точки зрения работа А. В. Пруссак до сих пор остается единственной в своем роде.

6 февраля 1910 г. Анна Пруссак закончила Женский педагогический институт, получив диплом, дававший право преподавания русского языка и словесности. Однако девушка решила продолжить учебу и в том же году поступила в Археологический институт, который готовил специалистов по русской старине для работы в правительственных, общественных и частных архивах. В числе основных предметов, изучаемых в институте, были славяно-русская археография, славяно-русская палеография, архивоведение, первобытная и христианская археология, юридические древности,

---

⁴⁴ Пруссак А. В. Описание азбуковников ... С. 3.

⁴⁵ Там же. С. 34–41.

⁴⁶ Там же. С. 41–47.

⁴⁷ Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII в. Л., 1968; Ковтун Л. С.: 1) Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л., 1975; 2) Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977; 3) Азбуковники XVI–XVII вв. ...; и др.

историческая география и этнография, нумизматика, дипломатика, польско-литовские древности, греческая и латинская палеография. Основные предметы читали преподаватели высших учебных заведений или специалисты-практики: Н. В. Покровский, С. Ф. Платонов, С. А. Жебелев, А. А. Спицын, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. К. Рерих, Б. В. Фармаковский и многие другие. Прослушав курс, в 1913 г. А. В. Пруссак успешно сдала выпускные экзамены⁴⁸.

Летом 1911 г. Анна Владимировна сопровождала в заграничную поездку по Италии выпускной курс Женского педагогического института. В течение месяца группа девушек посетила Рим, Милан, Флоренцию, Венецию — города, «которые еще дышат атмосферой античности, эпохи Возрождения и дают представление о жизни больших европейских центров»⁴⁹. Экскурсия ставила своей целью самообразование, но, по свидетельству одной из путешественниц (дочери С. Ф. Платонова Нины), была совсем необременительной: «Науки мало, зато приятных общих обзоров много. Д[митрий] К[онстантинович] (Петров, преподаватель института и руководитель поездки. — *Е. Г.*) называет экскурсию увеселительной и... это правда»⁵⁰. А. В. Пруссак не оставила своих впечатлений об этой поездке, но итальянские древности никак не повлияли на ее научные занятия, она осталась верна русскому языку и истории. В том же 1911 г. Анна Владимировна начала работать на кафедре русского языка Женского педагогического института в должности ассистентки профессора⁵¹.

Диплом Женского педагогического института не давал всей полноты прав его обладательницам. Те, кто стремился к научной работе или преподаванию в высшей школе, должны были дополнительно пройти испытания за курс российского университета и получить соответствующий диплом. 1 марта 1914 г. Анна Пруссак обратилась с заявлением к директору Женского педагогического института С. Ф. Платонову, в котором просила допустить ее «держат экзамены по словесному отделению

---

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 367. Л. 5.

⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов). Д. 2111. Л. 4 (Из письма священника П. П. Аникиева, сопровождавшего экскурсию педагогичек по Италии).

⁵⁰ Там же. Д. 3860. Л. 22 об.—23 (Письмо Н. С. Платоновой из Рима от 09.06.1911).

⁵¹ Ассистентки (кроме А. В. Пруссак при кафедре работала еще одна выпускница института — Е. В. Кочубеева) помогали языковеду Н. М. Каринскому в проведении практических занятий на филологическом отделении. О них бывшие педагогички вспоминали годы спустя, называли и данные им прозвища — «славянские девочки» (*Матусевич М. И.* Воспоминания о Д. К. Петрове (Педагогический институт 1913–1916 гг.) — из собрания Музея РГПУ им. А. И. Герцена) или «юс большой и юс малый») (*Чернова Е. Б.* «Я пишу то, что помню...»: Воспоминания / подгот. текста, коммент., предисл. Е. Н. Груздевой. СПб., 2011. С. 80).

в государственной испытательной комиссии при Имп. Женском педагогическом институте»⁵². За одну весеннюю сессию девушка сдала семь устных экзаменов и написала два сочинения (по русскому языку и литературе) и все с высшей оценкой «весьма успешно»⁵³, удостоившись диплома I степени⁵⁴.

Возможно, первым опытом исторического исследования Анны Владимировны Пруссак стало ее выступление на заседании Общества архитекторов 15 октября 1913 г. «О положении строительного дела на Руси до XVIII века»⁵⁵. Докладчиком было затронуто много вопросов: приведены летописные свидетельства о постройках в XII–XIII вв., о русских и иноземных зодчих, о строительных катастрофах в XIV и XV вв.; рассмотрены регламентация строительных рабочих правительством в конце XVI и в XVII в., строительная повинность; рассказано об учреждении Каменного приказа (1584), законодательстве о постройках, организации правительственных и частных строительных работ в XVII в. и др. Уже в этой первой самостоятельной работе обращают на себя внимание широта охвата проблемы и значительный список использованных источников и литературы, — такой подход к исследовательской работе и в последующие годы останется свойственен А. В. Пруссак. Берясь за разработку той или иной темы, она не ограничивалась одним узким вопросом или одной гранью явления, а старалась проследить всю историю.

Становление исследователя

Работая в Педагогическом институте под руководством профессора Н. М. Каринского, Анна Владимировна продолжала изучать народные говоры и собирать диалектологический материал. В 1914 г. она участвовала в экспедиции в Гдовский уезд в район Псковского озера, где в окрестностях сел Ремда и Онда делала снимки построек и типов местных жителей, с помощью фонографа записывала образцы народной речи и мелодии песен⁵⁶.

---

⁵² ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 3788. Л. 8.

⁵³ ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов). Д. 439. Л. 10 об.–11.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 3788. Л. 5 об.–6.

⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов). Д. 3963. Л. 1 об. В программе заседания изложен развернутый план доклада А. В. Пруссак, а полный его текст был опубликован в журнале Общества архитекторов «Зодчий» в 1914 г. (№ 1. С. 1–6; № 2. С. 9–14).

⁵⁶ Отчет о трех поездках с диалектологической целью в разные местности Петроградской губ. проф. Н. М. Каринского // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1914 г. Пг., 1914. С. 81–82.

Уехав сразу после сдачи экзаменов в мае 1914 г. к брату в Иркутск, А. В. Пруссак и в Сибири продолжила научные занятия. Она занималась исследованием различных сторон быта, изучением языка и собиранием песен жителей Иркутского уезда, особое внимание уделяя языку старожилов⁵⁷. Особенно ее интересовали села и деревни, отмеченные на картах конца XVII – начала XVIII в. — Усолье, Урик, Хомутовка, Бадай, Мальта и др. За лето Анна Владимировна записала там 115 песен, побывальщины, пословицы и образцы иных жанров народного творчества. Услышанные в селах Суховском и Урик фольклорные эпические произведения — былины о князе Владимире и о Добрыне, об Илье Муромце и о его схватке с Соловьем-разбойником, исторические песни о взятии Казани, о казаке Платове и большую песню «Как у нас то было во граде Углике» — А. В. Пруссак подготовила и издала в альманахе этнографического отделения Русского географического общества «Живая старина»⁵⁸. Эти былины оказались последними образцами эпического фольклора в Восточной Сибири, опубликованными в литературе дореволюционного периода⁵⁹.

Тогда же были записаны и сравнительно молодые фольклорные образцы — сказания местных жителей о ссыльных декабристах. А. В. Пруссак писала: «Мне много приходилось беседовать со стариками... и старухами, помнившими жившего в этом селе (Урик. — *Е. Г.*) декабриста Никиту Михайловича Муравьева и приезжавших к нему гостить его друзей (Екатерину Ивановну Трубецкую и Осипа Викторовича Поджою)»⁶⁰. Несколько отрывочных воспоминаний в дословной записи и с сохранением фонетических особенностей рассказов были опубликованы лишь в 1926 г., но вошли в историю русской фольклористики как первый случай записи фольклорных текстов о декабристах.

Поездки А. В. Пруссак в Сибирь в 1915 и 1916 гг. были заполнены работой в библиотеках и архивах Иркутска. Там в 1916 г. она стала действительным членом Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Внимание исследователя привлекли документы из музея Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, относящиеся к концу XVII в. Богатый архивный материал, еще фактически не изученный, увлек Анну Владимировну. Она в письме С. Ф. Платонову набросала план своей работы, которую собиралась сделать на основе иркутских архивных материалов: «Селения и быт первых поселников

---

⁵⁷ Отчет о трех поездках ... С. 97–99.

⁵⁸ Пруссак А. Былина, бывальщина и три песни, записанные в Иркутском уезде Иркутской губернии.

⁵⁹ Элиасов Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. 1 : Собиратели и исследователи русской народной поэзии Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1958. С. 104.

⁶⁰ Пруссак А. Из сибирских сказаний о декабристах.

территории нынешней Иркутской губернии. Остроги; описание и история каждого из них; остатки острожных сооружений, сохранившиеся до настоящего времени. Слободы, деревни, монастырские деревни, заимки; количество пахотной земли и недоимки. Места добывания руды, слюды и сердолика. Русские на территории нынешней Иркутской губернии: выходцы из Поморских городов, москвичи, ссыльные “черкасы”. Воеводы, “товарищи” при малолетних воеводах; характер деятельности воевод, сношения с Китаем. Служилые люди; сбор ясака. Посадские люди; торговля; откупа. Крестьяне; общины и заимки. Несвободное население; крепостничество. Ссыльные»⁶¹. Обращает на себя внимание широта поставленной задачи — историко-географические, политические, этнографические и социально-экономические вопросы, каждый из которых может стать темой особого исследования.

В первый же год А. В. Пруссак подготовила небольшую публикацию, содержащую факты из истории Тункинского острога — «украинного» острога в трех днях ходу от Иркутска⁶², в следующем году — статью «о разных формах рабства», существовавших в Восточной Сибири, главным образом элементах крепостного права на крестьянина⁶³. Как специалист, имеющий археографическое образование, Анна Владимировна взялась составить описание архивных рукописей, с которыми работала в Иркутске. Ею был задуман большой труд в трех главах: «В 1-й я дам перечень грамот 17 в... во 2-й дам подробный исторический и языковой анализ наиболее интересных грамот, равно как и таможенных книг; в 3-й дам краткое изложение содержания наиболее интересных памятников 18 в.»⁶⁴. В 1917 г. была опубликована первая глава (или ее часть?), включающая в себя описание 413 грамот (в свитках) из архива воеводских дел второй половины XVII в., в которых затронуты самые разные вопросы: дела о стрельцах, оружии и запасах по острогам и городам, о сношении с китайцами и монголами, о крестьянах, холопах и ссыльных, о внутренних делах городов, о судебных делах и т. д.⁶⁵ После возвращения брата в Петроград Анна Владимировна больше не ездила в Иркутск и была вынуждена оставить задуманную работу.

---

⁶¹ ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов). Д. 3963. Л. 9–9 об.

⁶² Пруссак А. Заметка о Тункинском остроге // Сибирская летопись. 1916. № 6–8. С. 303–304.

⁶³ Пруссак А. В. Заметка о несвободном населении Восточной Сибири во второй половине XVII в. // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1916. [Иркутск, 1917]. Т. 45. С. 212–218. URL: <http://content.mail.ru/arch/21385/3645456.html?print>.

⁶⁴ Пруссак А. В. Описание рукописей XVII–XVIII веков, хранящихся в Иркутском музее Восточно-Сибирского отдела Императорского РГО // Сибирская летопись. 1917 / ред. А. И. Линьков. Иркутск, 1916–1917. № 1–2. С. 66.

⁶⁵ Там же. С. 66–75.

Перемены в стране, происшедшие в 1917–1918 гг., изменили и жизненный уклад семьи Пруссак. Смерть отца и младшего сына, сокращение материальных доходов семьи, ответственность за мать и сестру, которую чувствовала Анна Владимировна, заставили ее искать дополнительный заработок. Оставаясь преподавателем кафедры русского языка I Высшего педагогического института (бывшего Женского педагогического института), она в 1918–1921 гг. работала также на Детской площадке, в клубе для юношей в Детском городке, преподавала в школе грамоты при остро-заразном бараке, в трудовой школе бывшего реального училища Протасова, на коммунальных курсах для взрослых, работала лектором на краткосрочных педагогических курсах в г. Галиче, вела занятия в 29-й трудовой школе Петрограда...⁶⁶ Многие новые учебные заведения оказывались нежизнеспособными и быстро закрывались. Приходилось снова искать место. Причем преподавательская работа давала небольшой доход.

В личной жизни Анна Владимировна перенесла еще одну утрату. Вскоре после установления советской власти она вышла замуж за электро-механика П. Ф. Беляева, но брак был недолгим — в 1920 г. А. В. Пруссак овдовела⁶⁷.

Она заполняла свободное время научной работой. Несколько лет Анна Владимировна участвовала в работе «Кружка русского языка», организованного Н. М. Каринским в Женском педагогическом институте. Профессор привлек некоторых наиболее подготовленных девушек к обработке диалектического материала, полученного А. И. Соболевским в ответ на составленную им программу по изучению местных говоров. Корреспонденты из разных местностей присылали ответы на 30 вопросов, касавшихся особенностей произнесения звуков, слов, форм некоторых слов, словообразования и манеры разговора⁶⁸. Самый большой пакет материалов достался А. В. Пруссак — 104 письма из Орловской губернии. Работа, которая велась под руководством Н. М. Каринского, потребовала сопоставления имеющегося материала с более ранними публикациями описаний исследуемых говоров. В результате полученные ответы были разобраны, систематизированы и прокомментированы. Итогом проделанной работы стала статья, отмечавшая особенности фонетики, морфологии и специфического словаря двух уездов Орловской губернии⁶⁹.

---

⁶⁶ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 46 (Трудовой список А. В. Пруссак).

⁶⁷ Там же. Д. 7. Л. 17 (Автобиография А. В. Пруссак).

⁶⁸ Материалы для изучения великорусских говоров // Сборник Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1921. Т. 99, № 2, вып. 10. С. 2–3.

⁶⁹ Пруссак А. О говорах Брянского и Ливенского уездов // Сборник Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1921. Т. 99, № 2, вып. 10. С. 5–27.

Чувствуя себя уже опытным исследователем языка, А. В. Пруссак опубликовала в одном из журналов Отделения русского языка и словесности АН рецензию на книгу этнографа и палеографа А. М. Селищева «Диалектологический очерк Сибири»⁷⁰. Отметив тщательность в сборе значительного диалектологического материала, Анна Владимировна высказала сожаление, что автор «не ознакомился с состоянием сибирских говоров за предшествующие столетия», т. е. за XVII–XVIII вв.⁷¹ Изучение истории говоров позволило бы, по ее мнению, избежать ошибочного или неточного утверждения о принадлежности говора старожилов русского населения Сибири к тому же типу, что и на северо-востоке Европейской России — северно-великорусскому. Приведя многочисленные примеры особенностей языка сибирских письменных памятников XVII–XVIII вв., А. В. Пруссак в свою очередь утверждала, что «говор старожильских селений Сибири в массе своей относился к окаюше-акающим смешанным говорам»⁷². Основную ошибку, допущенную А. М. Селищевым, его рецензент видела в том, что исследователь не отделил говоры старожильских селений от говоров селений новоселов.

А. М. Селищев посчитал необходимым отреагировать на рецензию и опубликовал в 1924 г. в том же издании встречную статью «О рецензии А. В. Пруссак»⁷³, в которой обвинил последнюю в «полной неудовлетворительности формулировок», «несостоятельности взгляда», бездоказательности утверждений, в отсутствии элементарной критической работы над историческими памятниками как лингвистическим материалом. Там же А. М. Селищев подверг критике проделанную А. В. Пруссак обработку диалектологических материалов по Ливенскому уезду Орловской губернии: «Обработка полна неверных положений и стерла показательность этого материала. Характеристика говоров не соответствует действительности»⁷⁴. Упрек палеографа был обращен не только и не столько к самой А. В. Пруссак, сколько ко всем последователям школы А. И. Соболевского, пренебрегавшим, по мнению А. М. Селищева, описательно-лингвистической работой.

Желая не прекращать свои научные занятия, но не имея возможности выезжать в этнографические и диалектологические экспедиции, Анна Владимировна попыталась использовать некоторые фольклорные материалы, сохранившиеся в ее сибирском архиве. Она подготовила для Отделения русского языка и словесности АН статью «Песни Иркутской

---

⁷⁰ Пруссак А. В. [Рецензия] // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1923. Т. 26 (1921). С. 288–307. Рец. на кн.: Селищев А. М., проф. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921. Вып. 1.

⁷¹ Там же. С. 288.

⁷² Там же. С. 298.

⁷³ Селищев А. М. О рецензии А. В. Пруссак // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1924. Т. 28 (1923). С. 420–426.

⁷⁴ Там же. С. 426.

губернии», в которой собрала записанные 48 свадебных песен, четыре обрядовые песни, шесть игровых и плясовых, девять песен о рекрутчине и солдатчине, пять «бабьих», или прогольных, несколько частушек, пословиц и семь заговоров. Работа была передана на рецензирование к известному филологу В. Н. Перетцу, который, отметив интересное содержание представленного материала и его этнографическое значение, раскритиковал диалектологическую несостоятельность записи. Вывод рецензента был весьма жестким: «Видимо, неопытный и недостаточно подготовленный и в области изучения народной словесности, и в области изучения русского языка записыватель этих текстов не достаточно выяснил себе цель своей работы, да и не мог ее хорошо исполнить, не имея для сего нужных знаний»⁷⁵. В публикации статьи А. В. Пруссак было отказано.

Неудачи с филологическими работами совпали по времени с отъездом из Петрограда учителя Анны Владимировны Н. М. Каринского⁷⁶. Она продолжала вести занятия по русскому языку в институте, но той увлеченности, того исследовательского азарта, как при профессоре Каринском, уже не было. В 1922 г. при объединении трех петроградских педагогических институтов должность Анны Владимировны была сокращена. Потеряв работу, она воспользовалась свободой и поехала в Симбирск, чтобы поработать в архивах, но заразилась сыпным тифом, потом сразу же подхватила и брюшной тиф⁷⁷, долго лечилась. Вернувшись в Петроград, устроилась в 182-ю трудовую школу учителем обществоведения и политграммоты.

Но Анна Владимировна не отказалась от научно-исследовательской работы. Она обратилась к своим сибирским материалам с позиции историка и подготовила к печати большую статью⁷⁸ о восточносибирских крестьянах, их социально-экономическом положении, его особенностях. Быстрое завоевание сибирских земель потребовало от правительства найти способ утверждения власти на большом пространстве, определения экономической политики и уклада общественной жизни. В статье А. В. Пруссак показала особенности сибирской крестьянской общины — «мира» — на государевых землях, ее экономического положения, самоуправления, социального расслоения внутри общины, отличие личной крепостной зависимости, имевшей место в Сибири, от крепостной системы европейских регионов России⁷⁹.

---

⁷⁵ СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1113. Л. 1.

⁷⁶ В 1919–1923 гг. Н. М. Каринский жил в Вятке, а затем переехал в Москву.

⁷⁷ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 7. Л. 14.

⁷⁸ Пруссак А. Крестьяне Восточной Сибири во второй половине XVII в. // Архив истории труда в России. 1923. Кн. 6–7. С. 75–89.

⁷⁹ Фрагменты из этой работы А. В. Пруссак и ее «Записки о несвободном населении Восточной Сибири во второй половине XVII в.» вошли в кн.:

Еще в одной публикации того же 1923 г. А. В. Пруссак обратилась к одной из самых первых тем, которыми занималась еще в студенческие годы, — к истории строительного дела на Руси. Небольшая статья о московских строителях⁸⁰ является выдержками из ее доклада, прозвучавшего в Обществе архитекторов в 1913 г.

Трудности первых лет советской власти, голод, болезни, потери близких, переутомление на работе способствовали тому, что нервная система Анны Владимировны оказалась расшатана. Это привело ее к попытке найти поддержку в религии. Она попала под влияние католического кружка униатов и 30 января 1923 г. перешла из православия в католичество⁸¹. А. В. Пруссак ходила на церковные службы, заседания благотворительного кружка, посещала хронически больных старух в Петропавловской больнице. Неожиданно для нее Анна Владимировна была арестована (10 января 1924 г.) и по обвинению в контрреволюционной деятельности приговорена к тюремному заключению. После оглашения приговора у А. В. Пруссак начались истерические припадки, и после медицинского обследования ее признали страдающей истеро-эпилепсией в тяжелой форме⁸².

Анна Владимировна и ее сестра Елена неоднократно обращались к следователям и в вышестоящие инстанции с просьбами пересмотреть дело, разобраться в материалах, привлечь новых свидетелей, заменить место ссылки (Владимир) содержанием в тюрьме в Ленинграде. Наконец, Анна Владимировна нашла способ заставить следователя ее выслушать — она заявила о желании дать показания. Рассказывая о своем вхождении в униатскую общину, она называла тех, кто уже был осужден и кому навредить ее показания не могли. Однако «сотрудничество» было ей зачтено, и через полтора года после ареста Постановлением коллегии ОГПУ от 29 июня 1925 г. А. В. Пруссак была освобождена.

На научной работе

Анна Владимировна снова вернулась к учительской работе в школе (теперь в 187-й), где вела занятия по русскому языку. Ее по-прежнему привлекала научная деятельность, но, работая в школе, таковой можно

Знаменская Р. А. Хрестоматия по истории Сибири. Иркутск, 1930. С. 25–26, 30–32, 35–37.

⁸⁰ *Пруссак А.* Строительные рабочие в Московском государстве // Архив истории труда в России. 1923. Кн. 8. С. 3–6.

⁸¹ История перехода А. В. Пруссак в католичество и последующего привлечения ее к процессу над ленинградскими католиками изложена в статье: *Ганелин Р. Ш.* Анна Владимировна Пруссак (1888–?) ... С. 415–440. Там же опубликованы некоторые архивные документы, относящиеся к процессу.

⁸² Там же. С. 432.

было заниматься лишь урывками. Возможность перейти на работу в академические учреждения представилась лишь в начале 1930 г. В это время в Ленинграде работала Комиссия Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР по проверке аппарата Академии наук, возглавляемая Ю. П. Фигатнером, и результатом ее деятельности стала серьезная перестановка кадров — свыше 650 сотрудников академических учреждений были уволены, некоторые представители руководства даже арестованы (постепенно формировалось печально знаменитое «Академическое дело»)⁸³. За «чистой» последовали преобразования в системе академических учреждений. На освободившиеся места принимались новые сотрудники.

А. В. Пруссак 16 февраля 1930 г. обратилась в Президиум Академии наук с заявлением, в котором писала: «Я — научный работник с 1924 г. (гр. В доп.⁸⁴). В настоящее время происходит набор сотрудников в различные отделения Академии наук. Если окажется возможным, прошу дать мне работу в библиотеке АН, так как работа лишь в школе почти совершенно лишает меня возможности научно работать. При этом заявлении прилагаю список моих научных трудов, рекомендацию проф. Н. М. Каринского, перечень моей общественной работы. Могу представить о себе отзыв акад. Пекарского»⁸⁵. Николай Михайлович Каринский дал хороший отзыв о работе А. В. Пруссак: «Анна Владимировна Пруссак работала под моим руководством будучи студенткой вуза и по окончании вуза в кружке русского языка. Могу свидетельствовать о трудолюбии и добросовестном отношении к работам А. В. Пруссак, следствием чего было приобретение прочных и солидных знаний в области избранной А. В. Пруссак специальности»⁸⁶.

Анна Владимировна получила место помощника библиотекаря в Библиотеке Академии наук с 15 марта 1930 г. и проработала там чуть больше года. С 1 апреля 1931 г. она перешла в Историко-археографический институт Академии наук на должность научного сотрудника II разряда⁸⁷. По договору с учреждением А. В. Пруссак должна была разработать в архиве бывшей Археографической комиссии фонд астраханской воеводской избы и подготовить к печати сборник материалов по экономике

---

⁸³ О политике правительства в отношении Академии наук см. *Перченков Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // *Звенья* : ист. альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 163–235 ; *Алаторцева А. И.* Как начиналась «советизация» Академии наук // *Россия в XX веке: историки мира спорят*. М., 1994. С. 719–726 ; и др.

⁸⁴ А. В. Пруссак состояла в числе членов Ленинградской секции научных работников, а по общему учету научных работников по линии ЦекУБУ (Центральной комиссии по улучшению быта ученых в Москве) была квалифицирована по группе «В (доп.)».

⁸⁵ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 7. Л. 6.

⁸⁶ Там же. Л. 5.

⁸⁷ Там же. Л. 10.

Астрахани: к 1 июля 1932 г. она бралась подготовить к изданию акты XVII–XVIII вв.⁸⁸ В 1934 г. в сборнике трудов исторической комиссии АН СССР была опубликована ее статья о положении рабочих на астраханских рыбных промыслах в XVII в.⁸⁹, написанная по материалам разрабатываемого астраханского фонда. Рыбные промыслы рассматривались автором как промышленное предприятие, основанное исключительно на вольнонаемном труде рабочих. Последние набирались из числа посадских и гулящих людей, беглых крестьян и др. Рассматривая различные стороны жизни «наймитов» — организацию труда, систему оплаты, бытовые условия, — А. В. Пруссак говорила и о проявлениях недовольства рабочих своим положением: забастовках, участии учугов в восстании под руководством С. Разина, бегстве квалифицированных рабочих за море. Неспоккойная обстановка на богатых рыбных промыслах поддерживалась и нападениями различных «воровских людей», борьбой русских с бывшими хозяевами края — татарами — и с калмыками, тоже желавшими обладать рыбными местами. Главной защитой интересов правительства на астраханских рыбных промыслах становились стрельцы.

А. В. Пруссак. 1931 г.
СПФ АРАН. Ф. 155. Оп. 4.
Д. 3537

По сокращению штатов в августе 1933 г. Анна Владимировна была уволена, но уже в сентябре и далее работала по договору «с оплатой... из целевых средств Татарского научно-исследовательского института»⁹⁰. Она участвовала в подборе материала для сборников Института истории АН «Аграрный вопрос и крестьянское движение» в Татарии⁹¹, «История Татарии» во второй половине XIX в.⁹², по заданию Казахского филиала Академии наук подбирала материал по истории Казахстана⁹³, подбирала

⁸⁸ Там же. Л. 2.

⁸⁹ Пруссак А. В. Положение рабочих на рыбных промыслах Астрахани в XVII в. // Исторический сборник. Л., 1934. Т. 2. С. 169–182. (Труды исторической комиссии АН СССР).

⁹⁰ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 7. Л. 3.

⁹¹ Татарская АССР: Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Ч. 1: Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х гг. XIX в. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. М.; Л., 1936. С. LXXVIII. (Труды Историко-археологического института; т. 16).

⁹² История Татарии в материалах и документах. М., 1937.

⁹³ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 7. Л. 21.

материалы для сборника «Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.»⁹⁴. Анна Владимировна подготовила небольшую статью по истории Ижевского железодельного завода с момента его возникновения до начала XX в.⁹⁵ Историк Ленинградского отделения Института истории⁹⁶ В. Н. Кашин характеризовал А. В. Пруссак как ценного сотрудника, он отмечал: как «сотрудница бригады по разработке аграрных материалов первой половины XVIII в. А. В. Пруссак работала не только не хуже, а может быть даже и лучше некоторых других сотрудников ЛОИИ, не говоря уже о пользе, приносимой и этой и другим бригадам хорошими навыками А. В. Пруссак в чтении документов XVII–XVIII вв.»⁹⁷. Даже в те периоды, когда Анна Владимировна подолгу болела⁹⁸, она продолжала работать, выявляя материал по истории партии — работе большевиков в 1914–1916 гг. в войсках и на военных заводах, который предполагалось использовать в публикациях к 20-летию юбилею Октябрьской революции⁹⁹.

Приказом от 15 февраля 1937 г. А. В. Пруссак была переведена на должность младшего научного сотрудника Института истории. Среди коллег Анна Владимировна зарекомендовала себя не только как хороший специалист и знаток архивного дела, добросовестный и скрупулезный исследователь, но и как честный и принципиальный товарищ. Это подтверждает эпизод, когда в 1937 г. в ЛОИИ была организована кампания против В. Н. Кашина¹⁰⁰. Историка обвиняли в контрреволюционной деятельности, и на общих собраниях коллектива лишь немногие имели мужество выступить в поддержку порядочного человека и честного ученого. Одной из этих немногих была Анна Владимировна Пруссак¹⁰¹. Хотя она на собственном опыте уже знала, что такое политическое следствие, и не могла не понимать, что снова с легкостью может оказаться под подозрением в «контрреволюции».

---

⁹⁴ Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. : сб. док. : Материалы по истории народов СССР. Вып. 5. Л., 1936. С. XXXII. (Труды Историко-археографического института ; т. 14).

⁹⁵ Пруссак А. Ижевский железодельный и оружейный завод // Металлургические заводы на территории СССР с XVII в. до 1917 г. М. ; Л., 1937. Т. 1. С. 353–358.

⁹⁶ В 1936 г. Историко-археографический институт АН был преобразован в Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ЛОИИ АН СССР).

⁹⁷ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 7. Л. 20.

⁹⁸ Там же. Л. 23 (зимой 1936/1937 г. она перенесла тромбоз и плеврит, затянувшиеся на 3,5 месяца и давшие осложнение на сердце).

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Об этом см.: «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел : Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина / сост., вступ. ст. и примеч. Р. Ш. Ганелина. СПб., 2006.

¹⁰¹ Там же. С. 101–102.

В 1930-е гг. А. В. Пруссак не ограничивала свою научно-исследовательскую работу только архивами ЛОИИ. Она много времени провела в хранилищах Артиллерийского исторического музея, изучая документы XVIII в., и подготовила ряд статей из истории Петровского времени¹⁰² и Пугачевского бунта¹⁰³.

Активная научная деятельность А. В. Пруссак была прервана начавшейся Великой Отечественной войной. Нам не известно, где и как провела Анна Владимировна 1941–1945 гг. Можно только заметить, что она продолжала, насколько это было возможно в условиях военного времени, исследовательскую работу и подготовила к печати две статьи: по истории Беломоро-Балтийского канала¹⁰⁴ и «Петроград в борьбе с немецкими захватчиками зимой 1918 г.»¹⁰⁵. Обе работы были написаны по архивным материалам ГАОРС ЛО (Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области), всю войну принимавшего исследователей в здании на Шпалерной улице.

В послевоенные годы Анна Владимировна, уже будучи пенсионеркой, продолжала заниматься в архивах. Ее основным рабочим местом в конце 1940-х – начале 50-х гг. стал зал рукописного отдела Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Там А. В. Пруссак занималась с русскими медицинскими рукописями XVII–XVIII вв., первыми лечебниками и травниками, изучала вопросы возникновения и развития в Русском государстве аптечного дела, госпиталей и медицинских школ, методов диагностики и лечения болезней. Результатом ее работы стала

---

¹⁰² Пруссак А. В.: 1) К вопросу о вольнонаемном труде на заводах петровского времени (Красноярский селитряный завод) // Исторические записки / АН СССР, Институт истории ; отв. ред. Б. Д. Греков. 1940. Т. 7. С. 258–263 ; 2) Инженерные школы при Петре I // Военно-исторический журнал. 1940. № 7 (12). С. 124–127 ; 3) Обзор материалов Артиллерийского исторического музея по истории заводов Петровского времени // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии. Л. ; М., 1940. Вып. 1. С. 241–252.

¹⁰³ Пруссак А. В.: 1) Заводы, работавшие на Пугачева // Исторические записки / АН СССР, Институт истории ; отв. ред. Б. Д. Греков. 1940. Т. 8. С. 174–207 ; 2) Артиллерийские орудия «Злодейского литья» // Военно-исторический журнал. 1940. № 9 (14). С. 115–118 ; 3) Архив Артиллерийского исторического музея как источник по изучению Пугачевского движения // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии. Л. ; М., 1940. Вып. 1. С. 263–269.

¹⁰⁴ Пруссак А. В. Из истории Беломорканала // Вопросы истории. 1945. № 2. С. 138–144.

¹⁰⁵ Эта работа упомянута А. В. Пруссак в списке ее печатных работ, хотя статья и не была опубликована. Автограф библиографического списка А. В. Пруссак хранится в семейном архиве Азадовских. Автор выражает признательность К. М. Азадовскому за предоставленную возможность ознакомиться с этим документом.

серия публикаций 1952–1954 гг. в разных медицинских журналах¹⁰⁶ и составленный обзор медицинских рукописей из собрания Публичной библиотеки¹⁰⁷. Автор книги «Русские рукописные лечебники» (Л., 1946) канд. мед. наук В. Ф. Груздев высоко оценил работу А. В. Пруссак: ею «проведена большая и трудоемкая работа по изучению медицинских рукописей, хранящихся в ГПБ. <...> А. В. Пруссак выявляет и подчеркивает высокую наблюдательность русского народа в отношении целебных свойств трав и растений. Весьма ценным является то, что А. В. Пруссак показывает богатство и разнообразие русских лечебных средств, а не привозных из-за границы. <...> А. В. Пруссак предлагает и новую классификацию русских медицинских рукописей. Ею показаны русские самобытные черты врачевания и вклад в медицинскую науку авторов рукописных лечебников. Работа А. В. Пруссак вносит много нового и интересного в историю отечественной медицины: положения автора подтверждаются многочисленными выписками и ссылками на документы»¹⁰⁸.

Последней исследовательской работой Анны Владимировны Пруссак стало изучение истории некоторых экспонатов музейного собрания Ботанического института им. В. Л. Комарова — бразильских коллекций первой половины XIX в.¹⁰⁹ Работа потребовала скрупулезного изучения

---

¹⁰⁶ Пруссак А. В.: 1) У истоков русской психиатрии (исследование истерии в XVII веке) // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1952. Т. 52, № 6. С. 77–78; 2) Из истории лечения эпилепсии эфирносытными растениями в Древней Руси // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1952. Т. 52, № 11. С. 82; 3) К истории развития учения о фитонцидах и их применения в лечебной практике // Труды Ботанического института им. В. Л. Комарова АН СССР. 1952. Вып. 3. С. 325–334. (Сер. V, Растительное сырье); 4) Из истории аптечного дела на Руси // Аптечное дело. 1953. № 6. С. 56–59; 5) У истоков русской офтальмологии // Вестник офтальмологии. 1953. Т. 32, вып. 6. С. 36–38; 6) У истоков русской психиатрии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1954. Т. 54, № 6. С. 588–590. Несколько статей были написаны в соавторстве с заведующим отделом социальной гигиены Ленинградского научно-исследовательского туберкулезного института канд. мед. наук М. Л. Гольдфарбом: Русский лекарь-практик и писатель второй половины XVII века Иван Венедиктов // Фармакология и токсикология. 1952. Т. 15, № 3. С. 55–57; Некоторые данные об организации лекарственной помощи при Петре I в Санкт-Петербурге // Врачебное дело : науч. мед. журнал. [Киев], 1952. № 3. С. 270–271; О лечении больных туберкулезом во второй половине XVII века // Проблемы туберкулеза. 1954. № 3. С. 74–77.

¹⁰⁷ Пруссак А. В. Русские медицинские рукописи XVII–XVIII вв., хранящиеся в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, как источник по истории русской медицины : обзор : рукопись. 1954 // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1123. [50 л.].

¹⁰⁸ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1123. Л. 63–63 об.

¹⁰⁹ Некрасова В. Л., Пруссак А. В. К истории бразильского филиала С.-Петербургского ботанического сада (1831–1836 гг.) и бразильских коллекций Лангсдорфа и Риделя // Ботанический журнал. 1957. Т. 42, № 5. С. 804–813.

документов Архива Академии наук и ранее опубликованных описаний и очерков по истории русских научных экспедиций. Но увидеть эту статью напечатанной Анна Владимировна не успела. Она умерла 10 августа 1956 г.

Известно, что уже после смерти А. В. Пруссак ее сестра Елена Владимировна передала коллекционеру-библиофилу М. С. Лесману свои воспоминания и некоторые бумаги, оставшиеся после Анны Владимировны. Коллекция М. С. Лесмана находится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом). Когда она будет обработана и доступна для исследователей, тогда, надеемся, появятся новые материалы, которые позволят дополнить биографию А. В. Пруссак.

SUMMARY

The article tells about life and scientific work of Anna Vladimirovna Prussak (1888–1956) — a historian and dialectologist. It presents the first reconstruction of her biography. Here is given the information about her family — her father, brothers and sister. Mrs. Prussak started her scientific work when she was a student of St. Petersburg Women's Pedagogical Institute. That very time her first independent investigations on Russian language were published. Besides, she had her interest in folklore, ethnography and history. The scientist worked a lot with the manuscripts of 17th–18th centuries. Due to the publications of Mrs. Prussak a number of documents previously unknown were put into scientific life. One of her most popular works is the description of azbukovniks of the Public Library in Petrograd (1915).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Диалектология, говор, азбуковники, история, архивы.

KEY WORDS

Dialectology, dialect, azbukovniks, history, archives.